

Учитывая настоящую войну против русского языка, развернувшуюся в России в 1990-е годы, это издание можно считать журналом сопротивления

Вышел в свет сотый номер всероссийского литературного журнала «Русское Эхо»

Первая сотня

Первый номер «Русского Эхо» появился двадцать лет назад, когда три студента Литературного института: Николай ПЕРЕЯСЛОВ (он жил тогда в Тверской области), Алексей СМОЛЕНЦЕВ (Киров) и Александр ГРОМОВ (Самара) — решили издавать журнал, на страницах

которого могли бы публиковаться авторы, опирающиеся в своём творчестве на традиции русской классической литературы.

Сложилось так, что осуществить издание получилось в Самаре. Символично, что в это время в городе как раз закладывали первый в России храм во

имя равноапостольных святых Кирилла и Мефодия. Славянские учителя стали символом журнала и со временем так преобразовали его, что он из издания сопротивления, он стал изданием, несущим свет и любовь. Именно это и есть, по мнению его основателей, главное качество русской литературы.

Иван НИКУЛЬШИН

Зелёный дятел на снегу

В ночь выпал снег. И хотя он был первым, ненадёжным ещё, во дворе всё заметно переменялось, посветлело, стало просторнее, по-настоящему запахло зимой.

Время отъезжать в город. К этому побуждала и сама погода. С утра развиделось, развёдрилось; с дальней кромки неба сползли последние расцветно-оранжевые космы ночного неба. Яркое солнце поднялось почти отвесно над камышами, как бы встало на дыбки.

Я возился возле автомобиля и не сразу заметил лесного гостя в своём дворе, зелёного дятла. Это было так неожиданно и так празднично! Чистое небо над головой, первый снег и — зелёный дятел на фоне опущенного лёгким снегом старого клена. Птица весело скакала по стволу снизу вверх, вспрыгивала на толстые сучья и что-то

высматривала, вертя головой. Но, так ничего не высмотрев, сердито вспорхнула и перелетела на угол дома.

Теперь уже здесь дятел принялся скакать по выступающим изгибам брёвен. Ключом он работал, как опытный дантист пинцетом, запуская его в каждую расщелину, в каждое мелкое отверстие, в каждую трухлявую каверну расколотого бревна. Мшисто-зелёная окраска спины птицы сливалась с таким же замшелым цветом изгибов стволы. Её давно не мазили, глина выгорела на солнце, позеленела от дождей, и дятел становился незаметным на её фоне, особенно когда замирал и к чему-то прислушивался.

Из каждой щели он то и дело выхватывал то оцепеневшую муху, то заснувшего жучка, то застывшую личинку. Удачи добавляли ему охотничьи азарта, и он работал ещё усердней.

Обследовав один угол избы, дятел перелетел на другой и прошёлся по нему, да так ловко, словно искусный пианист по клавишам рояля.

Исчез он так же быстро, как и появился, видимо, насытившись.

Всего второй раз тогда довелось мне видеть зелёного дятла. А наблюдать его вот так близко да ещё у себя во дворе на фоне первого ослепительно белого снега — подобное и во сне не могло привидеться.

В нашем лесу, например, большого пёстрого дятла можно наблюдать едва ли не в каждом сосновом квартале. А вот зелёного не очень-то увидишь.

Дня через три мне выдалось снова быть в своей деревенской обители. И вновь мне повезло. Опять видел зелёного дятла.

Как и в прошлый раз, прилетел он часов в десять и сразу принялся за дело.

Прошлые угощения, должно быть, крепко запомнились ему своим изобилием.

Однако на этот раз было всё куда беднее. Кормовые кладовки не беспредельны в тайниках изгибов стволы. И дятел, бесплодно попрыгав, перелетел на угол старой бани.

Испортила всё моя собачка, залаявшая, как всегда, не к месту и некстати. Дятел испуганно вспорхнул, заслышав её, и юркнул в соседнюю кленовую заросль. Оттуда и подал свой голос, на этот раз сердитый и резкий: «Кизий-кизий-кизий!»

Этот звук лишь на короткое мгновение прорезал деревенскую тишину и тут же потерялся, растаяв в морозном прозрачном воздухе.

Я постоял, вслушиваясь в глубокую деревенскую тишину, но так ничего и не услышал, кроме лёгкого потрес-

кивания ледка, осыпавшегося с уторов колодезной бабды да повисста синиц из калитника.

Казалось бы, чего особенного? Прилетела птица из лесу подкормиться у человеческого жилья, оставила после себя ощущение добра и какой-то светлой недосказанности.

Всегда был так...

Евгений ЧЕПУРНЫХ

Братья

Не поймав интернетским сетям Чудных шпёнтов, шорохов, всхлипов. Братец Август и братец Сентябрь Пьют вино под развесистой липой.

Братец Август — весёлый пузан, А сентябрь — будто мальчик из хора. Лётёса струйка в прозрачный стакан, Слово ниточка их разговора.

Духом яблочным полдень прогрет. И Сентябрь улыбается лету: «Мы не виделись тысячу лет, Прихожу, а тебя уже нету».

Не заезжать в тяжёлые ворота, Не пить коньяк безумно дорогой. Не заводит китайскую собачку И к ней в придачу куколку жену. Не прятать в плинтусах свою заначку: На чёрный день, на кризис, на войну. Не открывать души и робкой сути В компании влиятельных дружок. Не трепетать: А вдруг приедет Путин И всех поувольняет, как щенков. Не заткаться бильярдными шарами Голодных ртов, разинутых окрест. И не держать Прилюдно Свечку в храме, Всю жизнь боясь, что Бог и вправду есть.

Диана КАН

Ракитов куст. Калинов мост. Смородина-река. Здесь так легко рукой до звёзд Достать сквоз облака.

И — тишина... И лишь один Здесь свистит среди ветвей Разгульный одихмангтьев сын, Разбойник соловей.

Почто, не зная почему, Ступив на зыбкий мост, Друг ошестинился во тьму Мой верный чёрный пёс?

И ворон гаркнул в пустоту: «Врага не проворони!» Когда споткнулся на мосту Мой богатырский конь?

...Здесь мой рубеж засечный врос На долгие века... Ракитов куст. Калинов мост. Смородина-река.

В следующий раз они попытаются взять нас изнутри... Маршал Г. К. Жуков, 1945 год

И вновь мы устоим, когда, мечи попятая, Они вползут в наш дом, рядясь в друзей. И станут, оповив заморским ядом, Морить старух и развращать детей.

Допустят наших дунек до Европы — Пусть пляшут по борделям нагишом. И переоборудуют под «шоппы» И школу, и завод, и космодром...

Михаил АНИЩЕНКО

Элегия

Надрывается ветер заблудший, Колобродит всю ночь в камыше. И чем хуже погода, тем лучше Почему-то теперь на душе.

Ничего, я с дороги не сбился И совсем не знаком с ворожкой. Я в счастливой рубахе родился И снимал её только стобой.

А теперь возле дома слепого Я хожу, словно вор, без огня... Хорошо, что ты любишь другого, Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страха Ты мне машешь рукой на ходу, Что мою голубую рубаху Носит пугало в вашем саду.

Крути

Под глазами крути, словно алковы крути, Лукоморье пропало в моей бороде. И один на земле. Все друзья и подруги Разошлись в темноте, как крути по воде.

Двадцать лет темнота над родимой землёю, Я, как дым из трубы, ещё пробую высь... Но кремнистый мой путь затянулся петлёю, И звезда со звездой навек разошлись.

Истощилось в писаных духовное браншо, Я устал и остыл. Я лежу на печи. Умирать на земле мне почти и не страшно, Но весь ужас скрывается в этом «почти»...

Я воду ношу

Я воду ношу, раздвигая сугробы. Мне воду носить всё трудней и трудней. Но как бы ни стало и ни было что бы, Я буду носить её милой моей.

Река холоднее небесного одра. Я прорубь рублю от зари до зари. Бери, моя радость, хрустальные ведра, Хрусти леденцами, стирай и вари.

Уйду от сугроба, дойду до сугроба, Три раза позволю себе покурить. Я воду ношу — до порога, до гроба, А дальше не знаю, кто будет носить.

А дальше — вот в том-то и смертная мука, Увижу ли, как ты одна в январе Стоишь над рекой, как любовь и разлука, Забыв, что вода замерзает в ведре...

Но это ещё не теперь, и дорога Протоптана мною в снегу и во мгле... И смотрит Господь удивлённо и строго, И знает, зачем я живу на Земле.

Добрый Август кивает в ответ, Дескать, так вот всегда и бывает: «Ухожу, а тебя ещё нет, А меня уж Господь отзывает».

Друг на дружку с любовью глядят, На прощанье смыкают объятия: «Хорошо, что мы встретились, брат». Хорошо, что вы встретились, братья.

Не возлюбили мы врагов...

Впустую прожиты века И выпиты злые чаши. Не грош цена, А полплевка Благим намерениям нашим.

Плескалось горькое питьё, Кровь, перелитая от змея. Грешно Отечество моё. Но прочие ещё грешнее.

Ронялись лживые слова Дождём из капель осторожных. Сторали души, как дрова, В огне желаний невозможных.

О, Господи, я подл и зол, Как все мои земные братья. Что Ты такого в нас нашёл, За что не жалко — на распяты?

Что Ты такого разглядел В слезах, расчётливо пролитых. В кровосмешенье жарких тел И обязательных молитвах?

Что в нас таится: стыдли, честь? Что это есть? Шепни нам в уши. И если это всё же есть, То отчего мы водку глушим?

И почему в пыли веков Промчал в бессилии и силе, Не возлюбили мы врагов, Да и друзей не возлюбили...

Слуга

Как хорошо не быть слугой народа И вообще не быть ничьим слугой.

Печным и лучинным, привычным, родимым. И так этот дым ему выел глаза, Что он заглянул за привычное, за... Он с кистью стоял над зияющей бездной — И дым снизошёл к нему тонкий, небесный, Два дыма смешал он и кистью нанёс — И вот на левкасе явился Христос. Не царственный муж, самый обыкновенный Явился из тонкого дыма Вселенной, Но только для этого необходим Был горький и сладкий Отчества дым.

Свистелей нет и снегирей, Мучит наледь снежного покрова. Хоть домой уехать поскорей, Там и ни того, и ни другого.

Но зато в волнениях души Потерять здоровье рискует, Хрупкая, как те карандаши, Коими она меня рисует.

Тонкими руками обовьёт И в глаза глядеть подолгу будет: Что я пил там — яд, а может, мёд? Всё же мёд — глазами и рассудит.

Я ей ни единого «люблю» Не сказал, хоть, в её ласках нежась, Вспитываю, словно во хмелю, Рук и губ и теплоту, и свежесть.

Милая, прости меня, прости, До тебя круты, а не положи — Были слишком долгими пути, Все слова я растерял в дороге.

И Бездна призывает Бездну... И я, немолодой усталый человек, Казалось бы, для дел небесных бесполезный, дрозжанье век.

И сердце, устращаясь, возликовало, И то, что возле сердца запеклось, Душою тонкой и небесной стало, А мозг набряк, как гроздь...

И чуть не умеря, но чьи-то руки ловко Успели поддержать, и чувствую, как дым Серебряных небес в моих клубится лёгких, Я стал высоким, сильным, молодым.

Быть может, то, что говорю я, лживо, Быть может, нет в словах накала и огня, Чтоб ток запечатлеть небесного призыва, — Но это Сам Господь окликнул вдруг меня.

И, совершив благое дело, Крутой позёмкою влеком, Я окажусь, как ты хотела, Лишь у тебя под каблучком!

И буду снегом, Чистым снегом Под каблучком твоим дрожам. Тогда земля и станет небом, И будет некуда бежать.

Хорутви за спиной Пльвуют во мгле окрестной И горек край земной, И сладок рай небесный.

Два дыма Андрея Рублёва Иконы Рублёва написаны дымом —

Евгений СЕМИЧЕВ

Крестный ход Мне снятся Крестный ход И мальчик невесёлый. Ему десятый год, А крест такой тяжёлый.

Хорутви за спиной Пльвуют во мгле окрестной И горек край земной, И сладок рай небесный.

А голос с небеси — Суровая громада: — Неси свой крест, неси, Возлюбленное чадо.

И надо крест нести, И горбиться под ношей. Господь, его прости. Я знаю: он хороший!

Вокруг клубится мрак. И в глаза глядеть подолгу будет: Ему охота так Пожить ещё немного.

Его терзает дрожь, А крест такой тяжёлый... Он на меня похож — Тот мальчик невесёлый.

Зачем, являя мне Моё изображение, Он мучает во сне Моё изображение?

Над ним моя звезда. И нигде не деться. От Страшного Суда Нам с ним не отвертеться.

А мне десятый год. А мне пожить бы надо. Вдали дрожит восход Печально, как лампада.

Колыхаются дымом Над кровлями избёнок. Народу тьмы и тьмы... А крест несёт ребёнок!

И, совершив благое дело, Крутой позёмкою влеком, Я окажусь, как ты хотела, Лишь у тебя под каблучком!

И буду снегом, Чистым снегом Под каблучком твоим дрожам. Тогда земля и станет небом, И будет некуда бежать.

Хорутви за спиной Пльвуют во мгле окрестной И горек край земной, И сладок рай небесный.

Евгений СЕМИЧЕВ

Крестный ход Мне снятся Крестный ход И мальчик невесёлый. Ему десятый год, А крест такой тяжёлый.

Хорутви за спиной Пльвуют во мгле окрестной И горек край земной, И сладок рай небесный.

Два дыма Андрея Рублёва Иконы Рублёва написаны дымом —